
В. Н. ЯГОДИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИИ ХОРЕЗМА

В 1962 году у городища Гяур-кала, расположенного близ г. Ходжейли Каракалпакской АССР, был обнаружен большой древний могильник¹. Как выяснилось в процессе произведенных в том же году раскопок, могильник многослойный² и занимает большую часть огромного холма, находящегося к востоку от Гяур-калы. Значительная часть древнего могильника, видимо, расположена на восточной половине этого холма под функционирующим до настоящего времени мусульманским кладбищем.

Западная часть холма свободна от современных мусульманских могил. На поверхности здесь в изобилии разбросаны куски битого жженого кирпича, обломки керамических и алебастровых оссуариев, фрагменты керамики. Кое-где на поверхности прослеживаются остатки построек из сырцовых кирпичей.

На одном из участков древнего могильника были проведены раскопки на площади 6×7 м на глубину до 1,5 м. В этой толще у поверхности обнаружены остатки кладки (рис. 1 а) из сырцового кирпича размером $27-26 \times 27-26 \times 5-6$ см. Находившаяся ниже основная масса погребений в цистах³ (рис. 1 б) никак не была связана с этой кладкой. Среди цист были обнаружены отдельные погребения в оссуариях и многочисленные обломки последних. Еще ниже находилась основная масса обнаруженных при раскопках оссуариев и отдельные погребения в цистах (рис. 1 в). Многократное перекрытие друг друга различными типами погребений весьма благоприятствовало установлению относительной хронологии, а находки керамики и монет в некоторых цистах позволили установить абсолютные даты их.

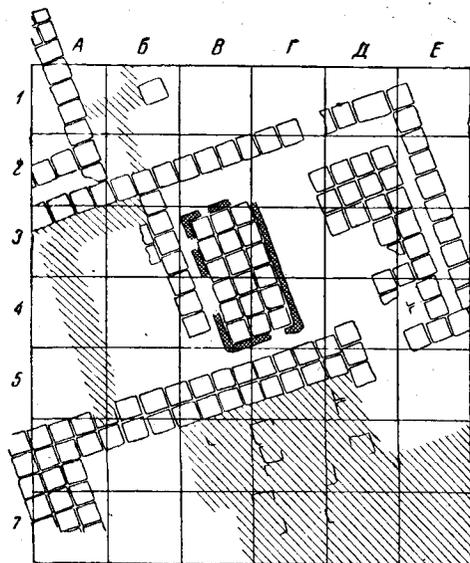
Погребения в оссуариях находятся в основном в нижних слоях могильника. Все оссуарии подпрямоугольны в плане с более или менее выпуклыми боковыми стенками. Дно плоское или слегка выпуклое.

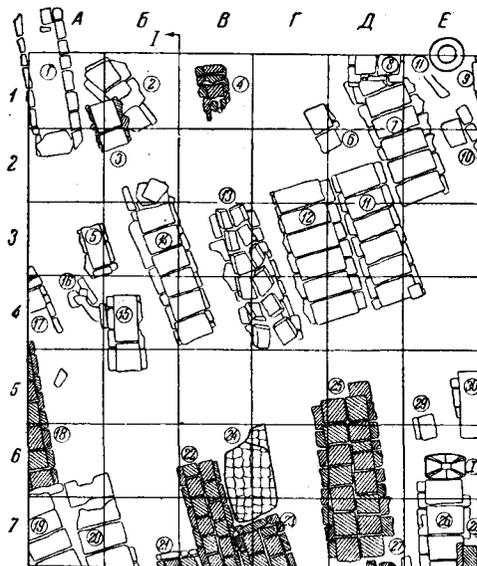
¹ Могильники с оссуарным захоронением, относящиеся к разным эпохам, открыты в ряде районов Средней Азии, в частности в Хорезме, см., например; J. Gulam, *Otpuz izlani*, «Gulistan», 1937, № 4»; Ю. А. Раппопорт, М. С. Лапиров-Скобло, *Раскопки на городище Калалы-гыр I в 1958 г.*, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6, М., 1963; Е. Е. Неразик, Ю. А. Раппопорт, Куюк-кала в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959; А. В. Гудкова, *Раскопки городища Ток-кака в 1960—61 г.*, «Вестник Каракалпакского филиала АН СССР», 1962, № 4. Классификация типов оссуарных погребений дана Ю. А. Раппопортом, см.: Ю. А. Раппопорт, *Хорезмийские астаданы*, «Сов. этнография», 1962, № 4.

² Все погребения обнаружены в однородном слое рыхлого песка. Для удобства фиксации раскоп разделен на два условных яруса (см. рис. 1).

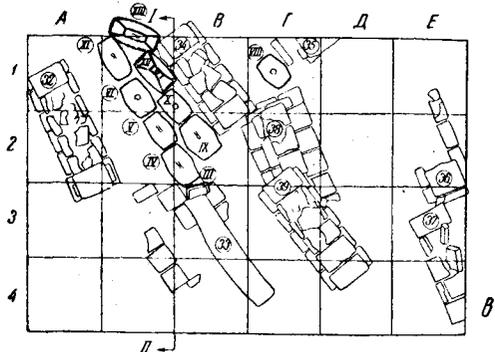
³ Цистами мы называем шелевидные грунтовые ямы, боковые стенки которых обложены сырцовым или жженым кирпичом и перекрытие сооружено из тех же кирпичей.

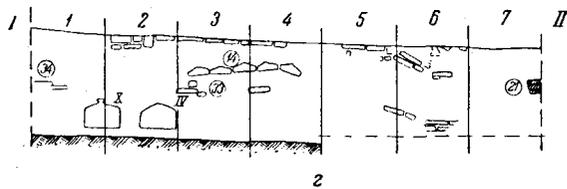
а

б

в

г

0 200 см

Рис. 1. Гяур-кала. Некрополь.
План и разрез: а — план по поверхности; б — план по первому ярусу, в — план по второму ярусу; г — разрез по линии I—II; арабскими цифрами обозначены номера погребений в цистах, римскими — в оссуариях

Большая часть обнаруженных оссуариев имеет низкие ножки, расположенные по четырем углам днища. Все оссуарии, за исключением только одного (рис. 2, 11) имеют крышки, снимающиеся сверху. Крышки эти, как правило, увенчаны ручками, форма которых различна. На двух оссуариях (рис. 2, 7 рис. 3) боковые стенки увенчаны зубчатым парапетом.

Изготовлены оссуарии из небрежно промешанной глины, в которую в значительном количестве примешивались грубомолотая дресва и кристаллический гипс. На некоторых оссуариях, видимо, потрескавшихся во время изготовления, трещины замазаны алебастром. Внешняя поверхность облицована плохим ангобом желтовато-зеленого или серовато-зеленого оттенка.

Один из оссуариев резко выделяется среди других по качеству выделки (рис. 2, 11). Он изготовлен из хорошо промешанной, не имеющей примесей глины, напоминающей по качеству глину, из которой изготовлялась посуда античного Хорезма. На внешней поверхности этого оссуария удалось проследить следы окраски красным ангобом.

В оссуариях обычно находились длинные кости конечностей и черепа. Причем последних иногда имелось несколько штук. В одном оссуарии были обнаружены следы истлевшей ткани, которой были обернуты кости. Интересно отметить, что на поверхности этого оссуария обнаружены отпечатки ткани, покрывающей его.

Анализ сравнительных данных позволил датировать всю группу их IV—VIII в. н. э., а также установить дату для каждого оссуария в отдельности.

Целый ряд фактов, установленных нами в процессе раскопок, не является новым и уже получил должную интерпретацию в специальной литературе. Зороастрийская принадлежность погребального оссуарного обряда установлена еще в конце прошлого века Дж. Дж. Моди⁴. В настоящее время это положение общепризнано⁵.

На многих найденных в процессе раскопок оссуариях были обнаружены сквозные отверстия. В литературе такие отверстия истолковываются как исполнение зороастрийского предписания, согласно которому кости, очищенные от мышечной ткани, следует уложить в костехранилище «...снабженное отверстиями для пропуска света»⁶.

На двух оссуариях мы обнаружили углубления по четырем углам крышки (рис. 2, 3; рис. 3). Эти углубления предназначались для крепления четырех стержней, на которых над оссуарием растягивался балдахин⁷. Ю. А. Раппопорт, исследовавший вопрос о хорезмийских оссуариях, показал, что балдахины над ними должны рассматриваться как деталь царского престола. Хорезмийская же традиция изображения на оссуариях умерших в виде местных хтонических божеств объясняет, почему элементы царских престолов встречаются на рядовых, отнюдь не царских оссуариях⁸.

⁴ J. I. Modi, *Astôdân or a persian coffin*, Bombay, 1889.

⁵ Следует отметить попытки, предпринимавшиеся для доказательства иудейской принадлежности некоторых среднеазиатских оссуариев. Взгляды эти широкого распространения не получили и были подвергнуты критике в работах ряда авторов. См. например: К. А. Иностранцев, Туркестанские оссуарии и астоданы «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», (ЗВО), XVII, вып. 4, СПб., 1907, стр. 167; Б. Я. Ставиский, К вопросу об идеологии домусульманского Согда, Сообщения Республиканского историко-краеведческого Музея Таджикской ССР, вып. I, Сталинабад, 1952, стр. 50—51.

⁶ К. А. Иностранцев, Указ. раб., стр. 168.

⁷ Ю. А. Раппопорт, Об изображении на Бартытском блюде, найденном в 1951 г., «Сов. археология», 1962, № 2, стр. 54—55.

⁸ Там же, стр. 56.

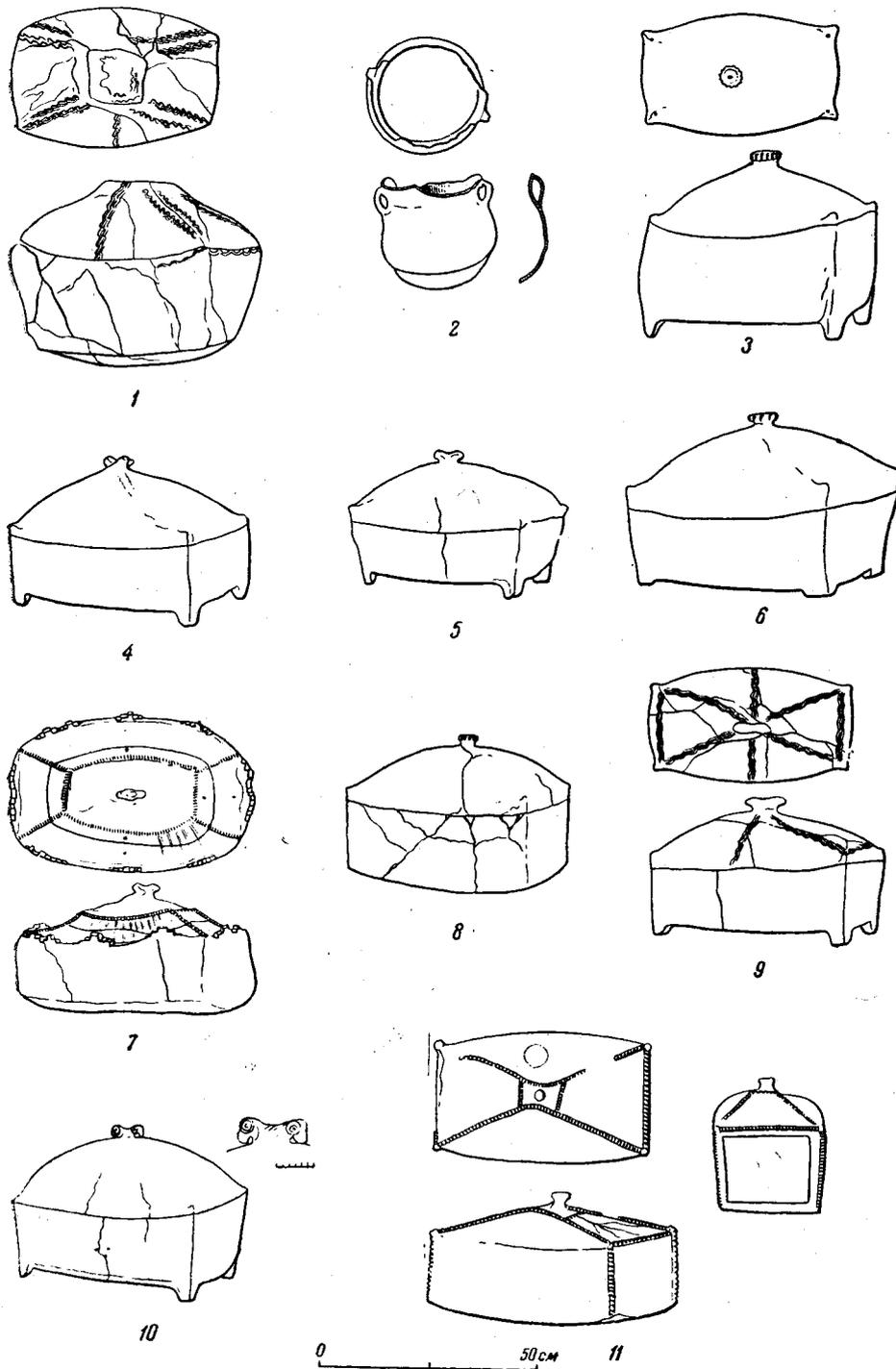

Рис. 2. Гяур-кала. Некрополь. Осуарии и погребальный сосуд

Другая большая группа фактов требует своего самостоятельного истолкования. Обратимся, прежде всего, к анализу расположения оссуариев в раскопе. Из одиннадцати обнаруженных нами оссуариев восемь были составлены двумя рядами, вытянутыми с востока на запад в обособленную группу. Установлено, что составлялась эта группа постепенно в течение длительного периода времени (оссуарии, входящие в нее, датируются в пределах IV—VII вв.). Чем вызвано это стремление к объединению нескольких оссуариев в обособленную группу? Для объяснения этого факта обратимся прежде всего к рассмотрению сравнительного материала.

Находки обособленных групп оссуариев известны в целом ряде древних могильников Средней Азии. Одна из наиболее ранних находок подобного рода была сделана в 1899 г. в Самарканде⁹. Захоронения костей в оссуариях, объединявшихся в обособленные группы, зафиксированы в могильнике Той-тюбе, находящемся в Ташкентской области. Причем здесь в группу объединялись оссуарии одного типа¹⁰. М. Е. Массон, исследователь этого могильника, высказал предположение, что он в VI—VII вв. служил «... некрополем для отдельных дворяно-декханских семей»¹¹. Иначе говоря, М. Е. Массон считает, что каждая обособленная группа оссуариев принадлежит одной семье.

В Семиречье А. Н. Бернштам обнаружил зороастрийское кладбище, находившееся во дворе замка, расположенного на территории древнего Сарыга. А. Н. Бернштам считает, что оно являлось семейным кладбищем «... владельца замка и его семьи»¹². И, наконец, в качестве сравнения мы можем привлечь и некрополь древнего Пянджикента. Установлено, что наусы этого некрополя содержали по 10—15 погребений¹³. Исследователи этого некрополя считают, что каждый наус является семейной усыпальницей¹⁴.

Захоронения в оссуариях, расположенных обособленными группами, были обнаружены на могильнике VI—VIII вв. Куюк-калы, находящемся в Чимбайском районе Кара-Калпакской АССР¹⁵.

Тот факт, что в погребальных памятниках запечатлеваются общественные отношения, существовавшие между людьми, в настоящее время уже не вызывает сомнения. Эта закономерность проявляется в течение длительного периода и на разных этапах развития общества¹⁶. Безусловно, что обнаруженная на некрополе Гяур-калы обособленная группа оссуариев может рассматриваться именно как памятник такого рода, и, как мы видели на приведенных примерах, может интерпретироваться

⁹ Н. Н. Веселовский, О находке глиняных гробов в Самарканде, ЗВО, XIII, 1901, стр. III.

¹⁰ М. Е. Массон, Ахангеран, Ташкент, 1953, стр. 29—30, стр. 129, прим. 31.

¹¹ Там же, стр. 29—30.

¹² «Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 14, М.—Л., 1950, стр. 32.

¹³ Б. Я. Ставиский, Исследование маздеистского некрополя древнего Пянджикента, Сообщения Таджикского филиала АН СССР, вып. XIX, Сталинабад, 1949, стр. 40.

¹⁴ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 93.

¹⁵ Е. Е. Неразник, Ю. А. Раппопорт, Куюк-кала в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959, стр. 140.

¹⁶ См., например, М. А. Итина, К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов, «Сов. этнография», № 3, 1954; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, Указ. раб., стр. 93; Г. П. Снесарев, Больщесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (КСИЭ), вып. 33, М., 1960, стр. 60—71.

как место захоронения членов одной семьи, что подчеркнуто компактностью и обособленностью оссуарной группы.

Приведенные выше аналогии свидетельствуют о широком распространении на территории Средней Азии подобного рода семейных захоронений, совершаемых то в специальной усыпальнице-наусе, то на отдельном семейном кладбище при замке, то в виде обособленной группы оссуариев на общем кладбище.

Как мы уже упоминали, крышки почти всех оссуариев были увенчаны ручками разных форм — блоковидными, фигурками птицы, или протомами баранов. Последних более всего. Однако почти все они представляют собой сильно стилизованные изображения. Реалистически изображенная головка барана имеется только на одном оссуарии (рис. 2, 10).

Рассмотрим в отдельности каждую из перечисленных групп ручек. Скульптурка птицы увенчивает купольную крышку подпрямоугольного в плане оссуария (рис. 3а) на четырех низких ножках. Боковые стенки его увенчаны пятиступенчатыми зубцами. На боковых плоскостях оссуария имеется роспись, к анализу которой мы обратимся ниже. На основании сравнительных данных оссуарий датирован VI—VIII вв. н. э. Еще одна скульптурка птицы была найдена отдельно. Она принадлежала оссуарию, разбитому при сооружении более поздних по времени цист. Вторая скульптурка сохранилась плохо. Обе они, видимо, изображают павлина, на голове его хохолок или корона. Сбоку маленькими наклепками изображены расправленные крылья.

Находки оссуариев со скульптурным изображением птиц в Хорезме уже имелись. Вопрос о подобных оссуариях рассматривался Ю. А. Раппопортом, пришедшим к выводу о том, что голуби и павлины — птицы, посвященные Анахите и постоянно сопровождающие ее изображения, в процессе эволюции оссуариев постепенно заменяют прежнее скульптурное изображение умершего в образе Анахиты, помещавшееся на ранних хорезмийских оссуариях¹⁷.

Новая находка оссуария с крышкой, увенчанной скульптурным изображением павлина, как нельзя лучше подтверждает это положение. Лишним доказательством может служить также наличие на этом оссуарии углублений для четырех стержней, державших на себе балдахин, являвшийся, как указывалось выше, деталью царского престола.

Значительный интерес представляют ручки на толстой круглой ножке, резко расширяющиеся сверху в круг с зашипами по краю или без них. Эти ручки мы называем «блоковидными». Они увенчивают крышки нескольких оссуариев как находившихся в обособленной группе (рис. 2, 6, 8, 11), так и стоявших отдельно (рис. 2, 3). Они, возможно, имели и ритуальный смысл, являясь солярными символами. При чем функциональное назначение (ручка крышки) возникает позднее; так как на наиболее раннем оссуарии IV—V вв. (рис. 2, 11) эта ручка находится на вершине оссуария, не имеющего крышки, а только люк в торцевой стенке. Следовательно, о функциональном назначении блоковидной «ручки» на данном оссуарии не может быть и речи. Не исключено, что в процессе эволюции оссуариев первоначальный ритуальный смысл «ручки» был забыт и солярный знак превратился в простую ручку на крышке.

Оссуарии с подобными ручками, видимо, имеют своим отдаленным прототипом статуарные оссуарии, изображавшие умершего в образе

¹⁷ Ю. А. Раппопорт, Указ. раб., стр. 58; его же, Хорезмийские астаданы, «Сов. этнография», 1962, № 4, стр. 75—76.

хтонического божества. По предположению Ю. А. Раппопорта, в погребальном культе Хорезма представления о Сиявуше (образ, имевший хтонические черты) и Митре — солнечном божестве — объединились¹⁸ и на оссуариях помещался именно этот синкретический образ, несущий черты и хтонического и солнечного божества. На широко распространенное в Хорезме почитание солнца указывает тот же автор¹⁹. В процессе эволюции оссуариев изображение бога на них постепенно заменяется солярным символом. Подтверждением этому служит наличие на одном из оссуариев (рис. 2, 3) с блоковидной ручкой углублений для установки балдахина. Следует отметить, что впервые оссуарии подобного рода были обнаружены в Хорезме С. П. Толстовым еще в 1938 г. на оссуарном некрополе городища Топрак-кала²⁰.

Требуется объяснения и факт наличия на крышках оссуариев протом баранов (рис. 2, 4, 5, 7, 9, 10). Наиболее ранний из этих оссуариев (рис. 2, 7) датируется V—VI вв., остальные VI—VII вв. В образе барана иногда выступает зороастрийское божество бури Вертрагна. Однако связь его с культом мертвых сомнительна. Среднеазиатские археологические материалы свидетельствуют, что на определенном этапе, а именно в VI—VII вв., в круг традиционных зороастрийских образов, изображавшихся на оссуариях, проникают новые образы, не связанные с каноническими, зороастрийскими представлениями. На Гяур-кале — это протомы баранов. Фигуркой козла или барана украшена крышка оссуария VI—VII вв., происходящего из некрополя в Южной Туркмении близ гор. Байрам-Али²¹. На крышке оссуария из Семиречья мы находим скульптурное изображение беркута²².

В этот период происходит значительное укрепление позиций зороастрийской ортодоксии в тех районах Средней Азии, где до этого времени существовали какие-то локальные культовые традиции²³. Несомненно, элементы этих религиозных представлений были привнесены и в зороастризм. Появление на оссуариях в Хорезме и Южной Туркмении баранов, а в Семиречье беркута, видимо, связано с распространенными у прозелитов представлениями о превращении умершего в тотем. Этнографические данные свидетельствуют, что у народов, придерживавшихся подобных представлений, гроб часто украшался его изображением²⁴. В то же время канонизированные зороастрийские божества становятся чуждыми культурам рядового населения, что влечет за собой замену антропоморфных изображений зооморфными, имеющими давнюю традицию²⁵.

Как уже указывалось, при раскопках Гяур-калинского могильника было обнаружено одиночное погребение в сосуде. В нем находилась разрушенная черепная крышка, видимо, принадлежавшая подростку. Никаких других костей в сосуде не оказалось. Анализ расположения

¹⁸ Ю. А. Раппопорт, Хорезмийские астаданы, стр. 79.

¹⁹ Там же.

²⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 33, 2; его же, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, «Вестник древней истории» (ВДИ), 1939, № 3, стр. 182, прим. 2.

²¹ С. А. Ершов, Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе гор. Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.), Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркменССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 173—180.

²² А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая, МИА, № 26, М.—Л., 1952, стр. 138.

²³ Ю. А. Раппопорт, Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г., стр. 158.

²⁴ Там же, стр. 58.

²⁵ Ю. А. Раппопорт, Хорезмийские астаданы, стр. 80—81.

погребального сосуда и сравнительные данные позволяют датировать его VIII в.

Погребения в сосудах распространены на территории Средней Азии чрезвычайно широко. По вопросу об их интерпретации какого-либо единства мнений не существует. Некоторые археологи считают их поздней по времени формой оссуарных захоронений и связывают их появление с тем обстоятельством, что начавший распространяться с VIII в. в Средней Азии ислам вытеснял старые домусульманские погребальные обычаи, и вследствие этого на рынках прекратилась продажа специальных принадлежностей для погребения по зороастрийским канонам²⁶. В отношении могильника Тик-Турмас близ г. Джамбула, где обнаружено несколько типов погребений костей, высказана мысль, что различие этих типов обуславливалось не хронологическими факторами, а социальными²⁷. В. И. Козенкова, посвятившая вопросу о среднеазиатских погребениях в сосудах специальную статью²⁸, совершенно справедливо указала на тот факт, что погребения в сосудах появляются в Средней Азии задолго до распространения в ней ислама и бытуют затем в течение весьма длительного времени.

Отсюда совершенно правильно следует вывод о необоснованности мнения о том, что погребения в сосудах являются всего лишь поздней формой зороастрийского погребального обряда²⁹. В этой же статье было высказано предположение о существовании в Средней Азии особой зороастрийской секты «хумников». Однако, ряд фактов противоречит этому. В этой связи я хотел бы обратить внимание на некрополь Ток-калы, расположенный в 30 км севернее Гяур-калы, где, как и на городище Калалы-тыр 1, были найдены одновременные погребения в оссуариях и в хумах³⁰. Наусы Ток-калы следует истолковывать, как мы уже указывали выше, в качестве семейных усыпальниц. Если это так, то трудно допустить, чтобы в одной семье находились поклонники разных сект. Так же трудно допустить, что в одной семейной усыпальнице хоронили сторонников разных сект.

Далее, если следовать принципу, которым руководствовался автор упомянутой статьи о погребениях в хумах, то можно с тем же успехом выделить еще ряд «сект». Например, секту, придерживавшуюся обычая просто складывать в кучу кости умершего. Подобные погребения были обнаружены Г. И. Пацевичем в Тик-Турмасы³¹. Видимо, все же более правильно объяснять различия в способах захоронения костей различным социальным положением погребенных и их родичей. Иначе трудно было бы объяснить сосуществование на одном и том же зороастрийском кладбище различных одновременных типов захоронения костей.

В этой связи привлекает внимание отрывок из VI фаргарда Вендидада, где трактуется вопрос о погребении костей. На вопрос, куда следует поместить кости умерших, Ахура-Мазда отвечает: «Почитатели Мазды должны воздвигнуть постройку, недоступную собаке, лисе и волку, и в которой не могли бы оставаться дождевые воды. Такую постройку пусть они возведут, если они в состоянии (разрядка на-

²⁶ Г. В. Григорьев, Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом, ВДИ, 1939, № 2, стр. 150; Л. И. Ремпель, Некрополь древнего Тараза, КСИИМК, вып. 69, М., 1957, стр. 110.

²⁷ Г. И. Пацевич, Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасы, «Изв. АН КазССР, серия археологическая», вып. I, № 46, Алма-Ата, 1948, стр. 104.

²⁸ В. И. Козенкова, К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии, «Сов. археология», 1961, № 3, стр. 251—261.

²⁹ Там же, стр. 259.

³⁰ А. В. Гудкова, Указ. раб., стр. 55—56; Ю. А. Раппопорт, М. С. Лапиров-Скобло, Указ. раб.

³¹ Г. И. Пацевич, Указ. раб., стр. 104.

ша.— В. Я.), из камней, известкового раствора и земли, если же они неспособны на это, пусть они положат умершего человека на землю на его ковре, на его подушке, укрытого сиянием небес, смотрящим на солнце»³².

Как явствует из приведенного отрывка, вопрос о способе захоронения костей решался в зависимости от степени состоятельности умершего. Кроме того, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в приведенном отрывке не дается конкретных указаний о форме и устройстве костехранилища. Неудивительно поэтому, что мы встречаем на территории Средней Азии такое разнообразие форм погребальных сосудов и оссуариев, встречаем, наконец, и просто захоронения костей, открытых лишь «сиянием небес».

Нам осталось еще рассмотреть вопрос об интерпретации сцены, представленной на оссуарии с росписью (рис. 3). Значительная часть изображений утрачена, поскольку больше половины оссуария было обрублено и выброшено при сооружении более поздней по времени цисты. Роспись нанесена на слой белой алебастровой подгрунтовки серой, желтой и красной красками. Художник широко пользовался также белым фоном алебастровой подгрунтовки.

На торцовой стороне оссуария (рис. 3б) изображены две мужские фигуры в длинных ниспадающих почти до земли одеждах. Одежды эти сброшены с плеч и собраны в складки у пояса, так что торсы мужчин обнажены. На голове, лице и груди красной краской изображены многочисленные кровоточащие раны и царапины. Руки первой слева фигуры лежат на груди, пальцы царапают ее. Руки второй фигуры подняты вверх.

На длинной боковой стороне оссуария (рис. 3в), сохранившейся примерно на $\frac{1}{3}$ своей первоначальной длины, изображены две сидящие мужские фигуры. Они также в длинных одеждах, имеющих на груди треугольный вырез, в котором видна обнаженная грудь с кровавыми ранами на ней. Кровоточащие раны изображены также на голове и лице. Обе фигуры сидят поджав под себя ноги. С левого края боковой плоскости оссуария изображены какие-то решетки и квадратные оконца, которые так же, как и уже упоминавшиеся пятиступенчатые зубцы, несомненно, передают реальные архитектурные детали той эпохи.

Несмотря на то, что значительная часть изображений на оссуарии утрачена, сохранившиеся позволяют все же полагать, что на оссуарии была изображена композиционно единая сцена оплакивания. Причем изображены здесь были, по-видимому, последовательные действия, связанные с ритуалом оплакивания, совершаемые одним или несколькими персонажами.

Изображения сцен оплакивания мы имеем в памятниках согдийского изобразительного искусства. Подобная сцена представлена на согдийском керамическом оссуарии³³. Еще определеннее она представлена в росписях одного из храмов Пянджикента³⁴. Следует отметить такую важную деталь, что и на росписи Пянджикента и на Гяуркалинском оссуарии действующие лица полуобнажены и занимаются

³² Sacred Books of the East. IV, The Zend-Avesta, p. 1, Vendidad. Oxford, 1880, стр. 49—51.

³³ А. А. Потапов, Рельефы древней Согдианы, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 29, рис. 1.

³⁴ А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов. Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, табл. XIX—XXIII, 33—34.

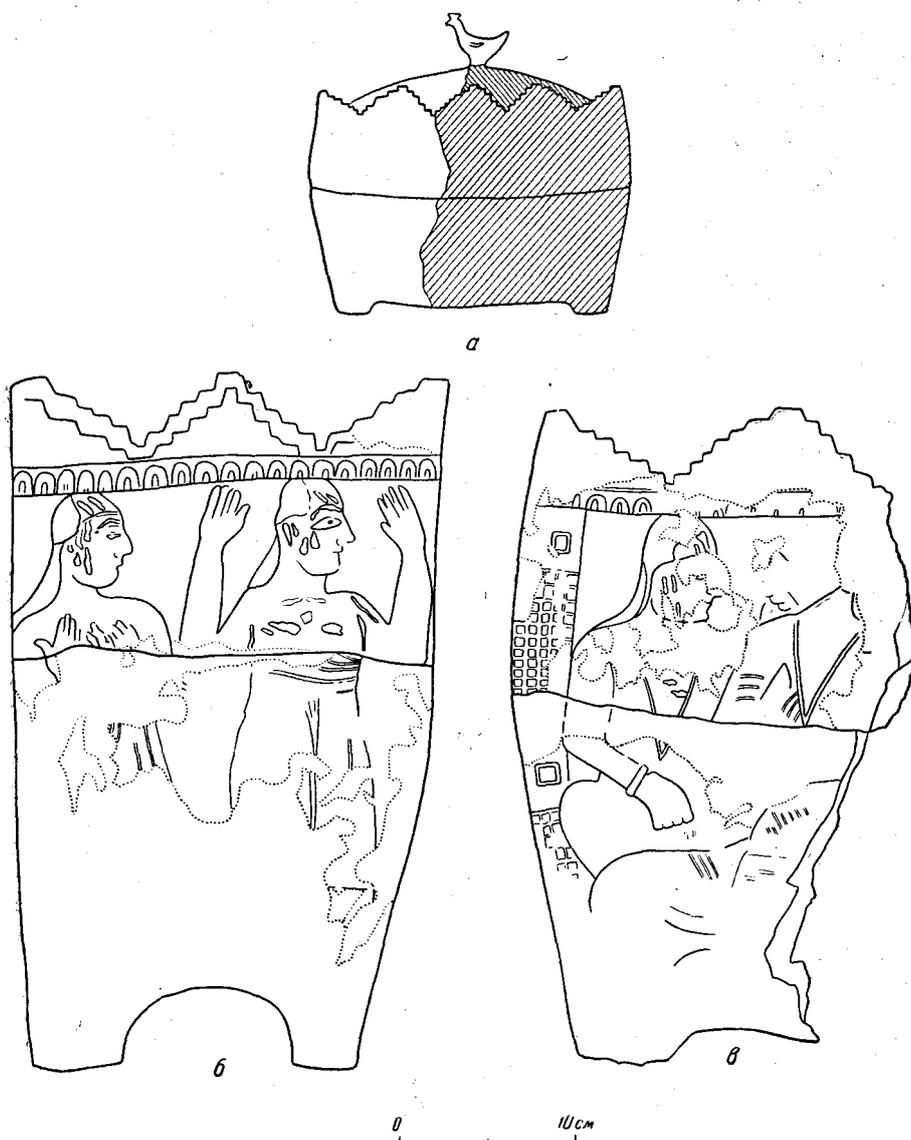

Рис. 3. Гяур-кала. Некрополь. Оссуарий с росписью: *а* — схематическая реконструкция общего вида; *б* — схематическая прорисовка изображений на торцовой стороне; *в* — схематическая прорисовка изображений на сохранившейся части боковой стенки

самоистязанием, нанося себе удары по голове, расцарапывая голову и грудь, надрезая мочки ушей.

В связи с этими сценами чрезвычайно интересны сведения Вэй-цзе о согдийцах: «Они рассказывают, что божественный отрок умер в седьмом месяце и потерялось его тело; люди совершали поклонение богу каждый раз при наступлении этого месяца, одеваясь в черные одежды в складках; они шли с обнаженными ногами, бия себя в грудь и плача, слезы и мокроты смешиваясь текли (по их лицам); мужчины и женщины в количестве от трех до пяти сотен человек объединялись

в группы для поисков небесного отрока»³⁵. С. П. Толстов, подробно разобравший это сообщение, считает его отражением представлений о божестве умирающей и воскресающей природы³⁶.

Интересно и сообщение ал-Бируни о том, что в конце месяца Х—ш—в—м «...жители Согда плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как это делают персы в Фервердаджане»³⁷. В другом своем произведении ал-Бируни указывает на то, что аналогичные действия при оплакивании умерших производят и хорезмийцы³⁸.

Таким образом, и письменные источники, и археологические данные свидетельствуют о праздновании согдийцами на рубеже старого и нового года праздника поминовения усопших³⁹, сливающегося с культом умирающей и воскресающей природы⁴⁰.

Если мы вспомним еще и сообщение ал-Бируни о том, что жители Хорезма сходятся с жителями Согда в отношении начала годов и месяцев...» и что «обряды хорезмийцев похожи на обряды (согдийцев)»⁴¹, то все это вместе дает нам основание толковать изображение, имеющееся на оссуарии, не просто как оплакивание погребенного, а как последовательные этапы ритуального действия, связанного с праздником поминовения усопших, а через него и с культом умирающей и воскресающей природы.

Обратимся теперь к рассмотрению погребений в цистах (рис. 4). Эти погребения совершались позже оссуарных и лежат они в основном в верхних слоях могильника. Всего обнаружено три разновременных типа цисты. Первый тип (рис. 4б) представлен прямоугольными в плане щелевидными грунтовыми ямами, боковые стенки которых обложены сырцовым кирпичом или обломками его и перекрыты плоскими глиняными плитами, имеющими размеры $50 \times 30 \times 6-7$ см и положенными поперек цисты. Костяк лежит на спине, черепом ориентирован на запад, руки вытянуты вдоль тела. Иногда вдоль тела вытянута только левая рука, а правая слегка согнута в локте таким образом, что кости находятся в области таза. Описанный тип цист датирован нами IX веком. Этим же временем, видимо, можно датировать единственное погребение в простой щелевидной грунтовой яме без перекрытия (рис. 4а). Кирпичами здесь обложен только край ямы на западном ее конце. Положение и ориентировка костяка те же, что и в цистах первого типа.

Второй тип (рис. 4в) представлен цистами, аналогичными первому типу. Отличаются они только формой перекрывающих цисту сырцовых плит. Размер их $50 \times 30 \times 6-7$ см, они прямоугольны в плане, нижняя сторона их плоская, верхняя выпуклая в виде четырехскатной крышки с сильно скругленными гранями. По форме эти плиты напоминают крышки алебастровых оссуариев, бытовавших в Хорезме в VII—VIII вв. Положение костяка и его ориентировка аналогичны описанным для первого типа. Кроме того, имеется несколько погребений, где костяки лежат на правом боку, черепом ориентированы на запад, ноги слегка

³⁵ С. Chavannes. Documents sur Les Tou-Kine (Turcs) occidentaux, Сб. Трудов Орхонской экспедиции, т. VI, СПб., 1903, прим. 5, стр. 132, 133.

³⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 203 и сл.

³⁷ Ал-Бируни, Асар-ал-бакийя, Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 255.

³⁸ А. М. Беленицкий, Указ. соч., стр. 81.

³⁹ Б. Я. Ставиский, К вопросу об идеологии домусульманского Согда, стр. 40—41.

⁴⁰ Там же, стр. 41—42.

⁴¹ Ал-Бируни, Указ. раб., стр. 256.

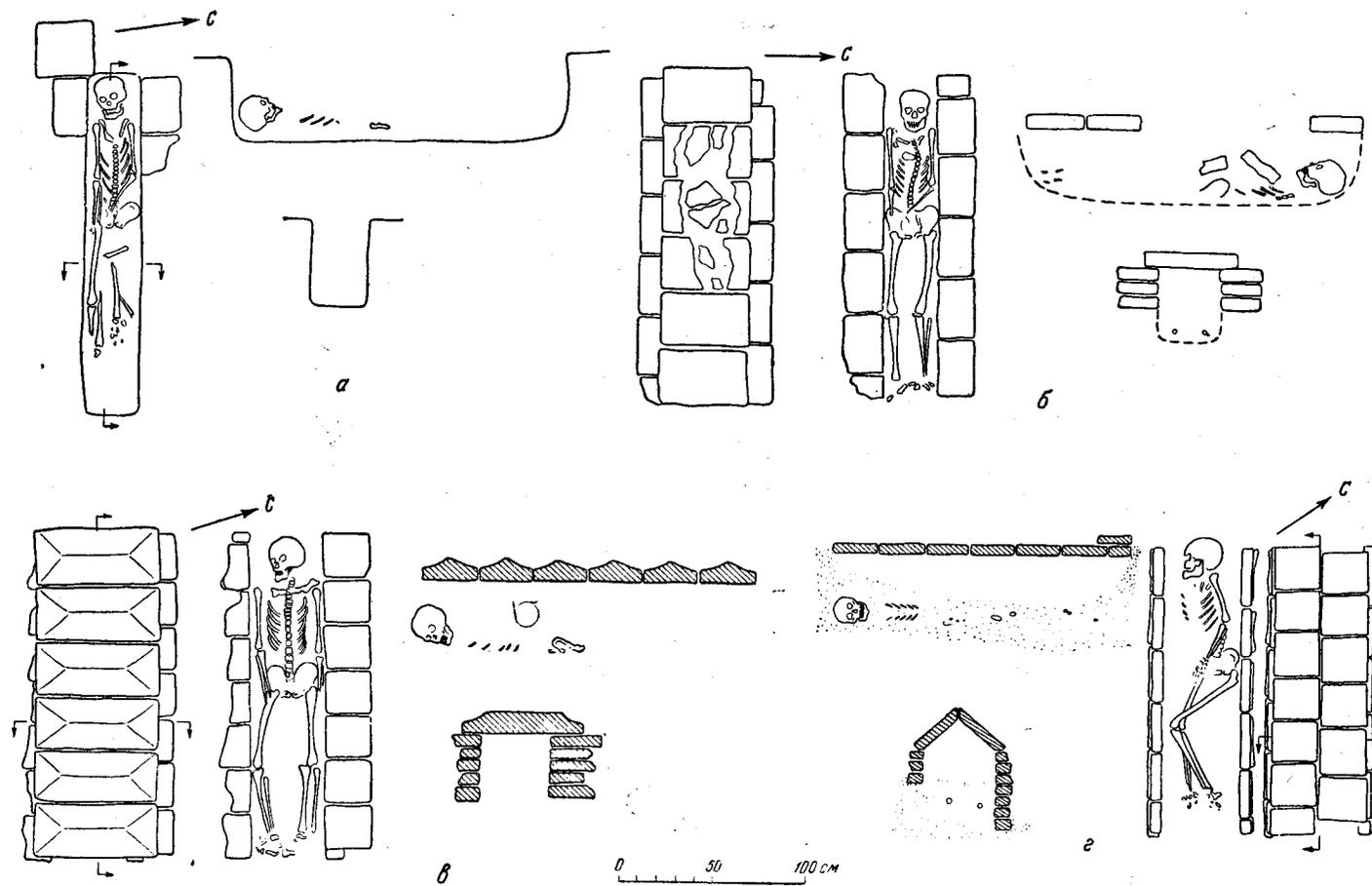

Рис. 4. Гяур-кала. Некрополь: а — погребение в грунтовой яме; б — погребение в цисте первого типа; г — погребение в цисте второго типа; г — погребение в цисте третьего типа

согнуты в коленях или вытянуты. Руки вытянуты вдоль тела, или же вытянута только правая, а левая согнута в локте так, что кости иногда находятся в области таза. Цисты второго типа мы датируем X—XI вв.

Третий тип (рис. 4г) представлен цистами, сложенными из обожженного кирпича размером $27-26 \times 27-26 \times 5-4$ см. Циста этого типа представляет собой прямоугольную яму, боковые стенки которой выложены жжеными кирпичами. Перекрыты цисты также жжеными кирпичами, поставленными на ребро наклонно друг к другу, так, что они образуют двускатную крышу. Для более плотного соединения в местах прилегания кирпичи подточены.

Рассмотрение аналогий показывает, что указанные типы погребальных сооружений распространяются в Средней Азии в период VIII—XIII вв.⁴² На протяжении этого периода происходит замена старых зороастрийских обычаев захоронений в оссуариях новым типом погребений — труположением. Оформление этих погребений и их ориентировка различны в разных районах. Массовое распространение нового типа погребений, видимо, связано с распространением в Средней Азии ислама.

Однако доисламские религиозные традиции еще очень долго продолжают удерживаться среди населения Средней Азии. В отдельных районах сохраняются даже целые зороастрийские общины, продолжавшие погребать своих умерших по древним традициям⁴³. И, наконец, как об этом свидетельствуют материалы с городища Гяур-калы и некрополя, доисламские традиции проявляются в новых типах погребений. На Гяур-кале, это сырцовые плиты перекрытия, воспроизводящие форму четырехскатной крышки оссуариев. Следует отметить, что в погребальных обрядах Хорезма доисламские зороастрийские традиции доживают вплоть до наших дней⁴⁴.

И еще один довод в пользу того, что население Средней Азии, принявшее ислам, продолжало сохранять доисламские традиции. Это проявляется в том, что в ряде мест население не устраивало новых кладбищ, а продолжало хоронить своих умерших на старых зороастрийских кладбищах.

Подведем некоторые итоги. Как явствует из рассмотренного материала, открытый на Гяур-кале могильник является чрезвычайно интересным для изучения религиозных верований населения Хорезма раннесредневекового и средневекового периодов. Дальнейшее изучение могильника позволит реконструировать многие темные еще для нас стороны истории древних верований. Особый интерес могильник представляет для изучения процесса перехода от зороастризма к мусульманству. Следует отметить также и важность для изучения истории религии и культуры впервые открытых в Средней Азии сюжетных

⁴² Труды Семиреченской экспедиции, стр. 34—35 и стр. 56—58; А. В. Гудкова, Указ. раб., стр. 56—57; С. А. Ершов, указ. раб., стр. 166.

⁴³ Г. В. Григорьев, Указ. раб. На существование подобных общин в Хорезме указывает ал-Бируни: «(Жители Хорезма) справляют и другие дни, заимствованные из преданий их предков. Теперь из хорезмийских магов осталась лишь горсточка людей, которые не углубляются в свою веру и ограничиваются знанием ее внешних сторон, не исследуя ее истоков и идей, так что даже справляют праздники, зная только промежуток между ними, а не их места, связанные с месяцами». Ал-Бируни, Указ. раб., стр. 256.

⁴⁴ Г. П. Снесарев, Большевесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма, КСИЭ, вып. 33, М., 1960, стр. 60—71; его же, Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

росписей на оссуариях. Не может быть сомнения, что будущие исследования этого интересного памятника позволят значительно расширить наши представления об идеологии Хорезма в домусульманское и ранне-мусульманское время.

SUMMARY

The subject of the article is the discovery and study of an ancient burial, having several strata, near the town-site of Gyaur-Kala in the vicinity of the town of Khodzheili (Kara-Kalpak Autonomous Republic). Discovered in the lower strata were ossuary burials, dating from the 4th-7th-8th centuries A.D. and described as Zoroastrian; the lids of the ossuaries bear the images of rams and birds. Of considerable interest is an ossuary with polychromatic subject painting.

The upper strata contain burials in slit pits, whose side walls are faced with brick; the ceilings are also of brick. Three types of such burials have been traced, dating from the 9th-14th centuries and assumed to be early Muslim burials.

The author offers a schematic pattern of the evolution of certain forms of burial structures, and attempts to reconstruct some of the features of ancient religious beliefs.